

ДВОРЦЫ КРИТА

I. *Древнейшие поселения.* Крит — самый большой остров Средиземного моря — благодаря своему благоприятному географическому положению был связан с окружающим миром многообразными экономическими и культурными узами. Поскольку микенские государства находились под сильным влиянием Крита, его культура и организация критского дворцового хозяйства имели важное значение для дальнейшего хода греческой истории. Уже в микенское время зарождаются определенные элементы как в социально-экономическом базисе, так и в материальной культуре, которые подготовляли возникновение античной собственности и греческого полиса¹. Основы критского государства — дворцовое хозяйство с сильными тенденциями развития ремесленного производства, рассчитанного на морскую торговлю, сложились уже в течение III тыс. до н. э. Особенности критского общества объясняются не только как результат процесса развития на самом острове, но и как итог связей с древневосточными классовыми обществами.

На ранние связи с Египтом, где государство сформировалось в период I—VI династий XXIX—XXXII вв., указывают найденные на Крите каменные сосуды, цилиндрические печати и амулеты с изображением павлиана². По мере обмена Крита с Египтом, который в более позднее время шел через порты Сирия, складывались также связи с Анатолией, эгейскими островами и материковой Грецией, что привело позже к развитию двусторонней торговли. Уже в раннеминойский период эти связи имели большое значение — искусство обработки металлов проникло на Крит из Анатолии. Влияние месопотамской цивилизации, которая около 3000 г. до н. э. достигла в своих центрах Урук и Джемдет Наср ступени образования государства, простиралось на запад вплоть до Малой Азии и Средиземного моря. Связи с материковой Грецией и Критом осуществлялись через Кипр с его богатыми месторождениями меди и расписной керамикой, родственной месопотамским образцам, и через цепь эгейских островов.

Важное значение имела Троя, где образовался перевалочный пункт для кипрской меди и малоазийского олова. Раскопки на городище Трои открыли картину развития укрепленного города — резиденции *басилевса*, располагавшего значительными богатствами (сокровище Приама). Они показали также широкие связи Трои с Месопотамией, дунайскими областями и островами Эгейского моря, прослеживающиеся по цилиндрическим печатям, каменным топорам и так называемым «скрипковидным» фигуркам. Поскольку торговые пути скреплялись в Эгееде, здесь, на островах, также начала развиваться богатая культура, примерами которой служат укрепленные поселения: Ферми на Лесбосе, Полиохни на Лемносе, Филакопи на Мелосе, Халендриани на Сиро-се, Агиос Андреас на Сифносе и Колонна на Эгине. Тип кувшина с носиком происходит из Анатолии, а мотивы кораблей в росписи керамики позволяют полагать, что через Киклады шла морская торговля. О высоком уровне культуры Киклад свидетельствуют естественные пропорции мраморных статуэток и тот факт, что именно здесь начали впервые использовать мрамор для мелкой пластики. Общеизвестно, что техника металлургии благодаря обмену постепенно распространялась из древневосточных государств в другие отдаленные области древнего мира, причем не исключено, что в этом сыграли роль и миграционные движения³. Единство культуры ранней бронзы, сходство формы

¹ Ср. более подробно: H. Geiss, Die Staatsentstehung auf Kreta (в печати). H. Geiss, G. Bockisch, Beginn und Entwicklung der mykenischen Staaten (в печати). Пользуюсь случаем поблагодарить X. Гайса за советы и помощь в работе над данной статьей.

² V. Xanthoudides, The Vaulted Tombs of Mesara, L., 1924, стр. 128—130; F. Matz, Kreta und frühes Griechenland, Baden-Baden, 1962, стр. 26; G. Thomsen, Forschungen zur altgriechischen Gesellschaft, т. I: Frühgeschichte Griechenlands und der Ägäis, В., 1960, стр. 137. Неясно, насколько Крит в раннем III тыс. был заселен ливийскими племенами дельты Нила.

³ Matz, Kreta und frühes Griechenland, стр. 25—28, 32—41; P. Kretschmer, Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten, «Glotta», 28, 1940, стр. 231—235; F. Schachermeyr, Die ältesten Kulturen Griechenlands, Stuttgart, 1955, стр. 37—49 (автор рассматривает главным образом проблему культурных проникнове-

и росписей керамики в отдаленных областях] Киликии и Фессалии, единый тип фигурок Малой Азии и материковой Греции, круглые и овальные сооружения на островах и в Македонии — все это навряд ли может найти иное объяснение. На связь ранних культур Малой Азии с культурами эгейских островов и материковой Греции указывают, однако, не только однотипные явления в их материальной культуре, но и языковые традиции. Речь идет о названиях гор, рек и городов с группами консонантов -ss-, -nth-, -nd-: Amphissa, Ilissos, Knossos, Assos, Mykalessos; Korinthos, Olynthos, Tiryns (Tirynthos); Labranda, Alabanda, Alinda, распространенные по всей Эгеиде. Этот язык, называемый эгейским, не поддается пока включению в известные ныне языковые семьи. Поскольку же до середины II тыс. на Крите не обнаружено никаких следов присутствия индоевропейских племен, можно предполагать, что эгейский язык и был тем языком, который зафиксирован в минойской письменности, по крайней мере в иероглифическом и линейном письме А⁴.

Еще до 2500 г. на Крите начинается период бронзы, для которого характерны обработка металлов, использование плуга и гончарного круга. В это время в наиболее населенных областях острова — Месарской долине на юге и в области вокруг Василики на востоке — преобладают мелкие сельские поселения. Лепящиеся друг к другу, как соты, прямоугольные дома и использовавшиеся из поколения в поколение места захоронения, сначала в естественных пещерах, затем в толосах, позволяют заключить, что в то время еще существовали родовые союзы, хотя уже заметны признаки образования частной собственности и привилегированного слоя знати.

Переход от обработки камня к обработке металлов привел к дифференцированному разделению труда, причем металлические орудия труда особенно способствовали развитию разнообразных ремесел, среди которых высоким уровнем развития отличалось кузнечное дело.

ний и миграций, а не самостоятельного развития); Thomsen, Frühgeschichte..., стр. 136 сл. Излагаемая здесь автором теория о развитии ранней культуры Киклад под влиянием минойской не выдерживает критики по хронологическим соображениям; см. «Trois I», 1, 2, ed. by C. W. Blegen, Princeton, 1950—1957 (отчеты о раскопках и определение значения поселений Троя I [3600—2600 гг.] и Троя II [2600—2200 гг.] с так называемым «сокровищем Приама», открытым Шлиманом); J. D. S. Pendlebury, The Archaeology of Crete, L., 1939, стр. 277, 280 (хороший обзор с экскурсами относительно хозяйства и общественного строя); «Excavations at Phylakopy at Melos», L., 1904 («The Society for the Promotion of Hellenic Studies», Suppl. 4), стр. 246; P. Demargne, Die Geburt der griechischen Kunst, München, 1965, стр. 27. История культуры с превосходными иллюстрациями, кратко касается экономических проблем.

⁴ M a t z, Kreta und frühes Griechenland, стр. 43—45. Автор принимает теорию общеэгейского догреческого субстрата; А. Хойбек (A. Heubeck, Praegeraesa, Erlangen, 1961, стр. 78 сл.) разделяет ту же точку зрения, которую он пытается обосновать филологически и лингвистически; Н. Крахе, Sprache und Vorzeit, Heidelberg, 1954, особенно стр. 143 сл. Автор предполагает существование в Эгеиде до 2000 г. индоевропейского языка-сатем, родственного этрусскому; Р. Кретсхмер, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen, 1905. П. Кречмер принимает теорию о догреческом малоазийском населении, ассимилировавшемся постепенно с более поздним греческим; язык первого оставил следы в субстрате греческих диалектов; в работе «Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten» («Glotta», 30, 1943, стр. 231—235) он исходит здесь из теории «переднеазиатское-восточно-средиземноморских городских культур», наследником которых стала азиатская культура, и из «дунайско-среднеевропейских сельскохозяйственных культур», а также из связей их с Критом, материковой Грецией и Эгейдой вообще; А. Фик, Ortsnamen als Quelle für die Vorgeschichte Griechenlands, Göttingen, 1905. А. Фик как представитель «пеласгической» теории считает, что пеласги жили в Греции и на Крите до ахейцев; они родственны хеттам, к языковому кругу которых относятся и этруски; S h a c h e r m e y e r, Die ältesten Kulturen Griechenlands, стр. 222 сл., 239—261; он же, Das Problem der griechischen Nationalität, «Bibliotheca Sansoni», IV ser., 23, 2, 1955, стр. 292—302. Автор выдвигает тезис о спорной культурной миграции из Передней Азии на Запад как о повторяющемся процессе проникновения азиатских племен. Шахермайр стоит за самобытность эгейского субстрата, под которым он понимает тип агглютинативного языка, родственного кавказским и связанного, как он предполагает, с этрусским, хурритским и армянским.

Прибрежное положение поселений Восточного Крита благоприятствовало получению прибавочного продукта уже не только в сельском хозяйстве и рыболовстве, но в ремесле и в зарождающейся меновой торговле. Поскольку Крит не располагал собственными месторождениями олова и имел лишь незначительные месторождения меди, сам факт появления бронзы указывает на выдающуюся роль обмена с Кикладами, которые были посредниками в доставке металлов с Кипра и из Анатолии. Но и сам Крит имел возможность включиться в меновую торговлю. Крит вывозил вино, масло, кипарисовое дерево, воск, шерсть, раковины, ремесленные изделия. Изумительной высоты достигло искусство критских золотых дел мастеров; созданное ими украшение из цветов листового золота напоминает по форме так называемое «сокровище Приама» из Трои II. На Крите найдены также египетские изделия из фаянса и слоновой кости, а также страусовые яйца. Керамика, найденная преимущественно в восточной части острова, представляет собой подражание металлическим сосудам, а светлая роспись квадратами и спиральями по темному фону заимствует свои мотивы из Египта и Анатолии⁵.

Распространение находок критских изделий вплоть до Далмации и Сицилии, а также изображения гребных судов на критских печатях свидетельствует о том, что критские торговцы начинали осваивать отдаленные области. Появление печатей и клейм, как и пиктографических знаков на них, позволяет сделать вывод о далеко зашедшем процессе дифференциации критского общества. Печать была тесно связана с личностью владельца и сопровождала его в могилу. Употребление печатей было привилегией господствующего слоя. Многочисленные печати, найденные в погребениях Месарской долины, определенно указывают на стремление привилегированной родовой верхушки обозначить свою собственность⁶. Хотя мы и не располагаем сведениями о дальнейшем ходе процесса дифференциации, однако уже древнейшие слои дворца в Маллии свидетельствуют о формировании племенной знати. Найденные там отпечатки печатей позволяют распознать первые зародки дворцового хозяйства, клейменная керамика которого показывает, что печать начинает играть роль также и в торговле⁷.

Для этого раннего времени засвидетельствован также (находками статуэток) типичный для Крита культ богини-матери, а также культ быка, нашедший отражение в форме быкообразных сосудов для возлияний. Теперь стали известны и самые ранние минойские двойные топоры, которые явственно выделяются среди прочего примитивного оружия — кинжалов с деревянной рукояткой и копий с привязывавшимся к древку наконечником⁸.

II. *Ранние дворцы.* Со II тыс. Крит начинает переживать подъем экономики и культуры, становясь одним из важнейших центров Эгеиды. Одну из причин этого можно усмотреть в том, что как раз около 2000 г. начавшееся переселение индоевропейских племен привело к военным столкновениям их с местным населением. В материковой Греции, на Кикладах и в Западной Анатолии это переселение привело к обширным разрушениям существовавших там ранее поселений, последствия чего могли бы преодолены далеко не сразу. Крит, напротив, по крайней мере в течение периода ранней бронзы был избавлен от вторжений чужеземцев. И в рассматриваемое время Крит, пользуясь временным ослаблением других государств, расширяет те связи, которые возникли еще в конце раннеминойского периода. Его суда охраняли торговый путь, связывавший Крит с Кипром и городами Сирии. Археологические данные свидетельствуют об обмене разнообразнейшими изделиями между Критом, Египтом и государст-

⁵ P e n d l e b u r y, The Archaeology of Crete, стр. 277—280; M a t z, Kreta und frühes Griechenland, стр. 25—28, 32—41, 53—68; S. F u c h s, Die griechischen Fundgruppen der frühen Bronzezeit, В., 1937, стр. 54 сл.; T h o m s o n, Frühgeschichte..., стр. 200 сл.; D e m a r g n e, Die Geburt..., стр. 64—68.

⁶ См. основные сводные труды: F. M a t z, Die frühkretischen Siegel, В., 1928, стр. 27—29; H. B i e s a n t z, Kretisch-mykenische Siegelbilder, Marburg, 1954, стр. 2—4, 71, 83.

⁷ A. G. E v a n s, Scripta Minoa, I, Oxf., 1909. Здесь дана первая систематизация критской системы письменности.

⁸ M a t z, Kreta und frühes Griechenland, стр. 69.

вами Месопотамии. Черты сходства между дворцами Сирии и Крита, централизованный характер возникшего у них государственного аппарата делают вероятным влияние древнего Востока на формирование дворцового хозяйства Крита.

Связи Крита с Египтом подтверждаются «Историей Синухета», в которой упоминаются острова моря. Неограниченная царская власть, сложившаяся в Египте при XI—XII династиях (1991—1786 гг.), могла послужить образцом для владык дворцов Крита. Критская керамика стиля Камарес найдена в Фаюме, египетские скарабей и одна египетская статуя — на Крите. Кроме того, в это время в материальной культуре Крита появляются определенные элементы, которые уже существовали в Египте, — применение в дворцовых постройках колонн и пилястров, фресковая живопись и поразительно зрелое искусство малых форм. И все же культура Крита развивалась своим самостоятельным путем.

В Сирии в эпоху средней бронзы наивысшего расцвета достигли города-государства Библ, Угарит (Рас Шамра) и Телль Атшана. Уже одно только обилие керамики стиля Камарес, находимой вплоть до Катны в долине Оронта, заставляет предполагать здесь присутствие критских торговцев. А если к тому же в украшении критских дворцов и отделке критской керамики лощением и растительным орнаментом обнаруживается сходство с сирийскими образцами, то это можно объяснить только прямыми связями⁹.

В период с 2000 по 1700 г. на Крите развивалось государство, что нашло свое внешнее выражение в строительстве больших дворцовых комплексов. Судя по географическому положению дворцов, из которых Маллия находится к востоку от Кносса, Кнос — на севере и Фест — на юге острова, в плодородной Месарской долине для раннего дворцового времени следует предполагать существование ряда мелких государств. И ни в коем случае нельзя, исходя из преобладания Кносса во времена вторичных дворцов, делать вывод о могуществе Кносса уже в первый среднеминойский период.

Примером древнейших дворцов может служить дворец Маллии, сохранившийся наилучшим образом. Поселение занимает территорию около 1 кв. км, в центре которой находится дворец. Середину дворца занимает прямоугольный двор с алтарем для жертвоприношений, что указывает на значение двора как места культа и собраний. Вокруг двора располагались неправильными группами великолепные залы и более мелкие покои, стены которых покрывала темно-красная штукатурка, а также хозяйственные и подсобные помещения. Соединение отдельных трактов коридорами, потолочные опоры, колонны и пилястры, несмотря на сходство многих элементов с древневосточными, свидетельствуют о самостоятельности культурного развития Крита¹⁰.

Культовый характер парадных помещений позволяет предполагать, что владыка дворца был царем-жрецом, но мы не знаем, ни какой слой знати он представлял, ни каким путем возникла на Крите теократическая монархия. Неизвестно даже, кто — мужчина или женщина — был этим предполагаемым царем-жрецом: не обнаружено ни одного изображения царя, что было повсеместно на древнем Востоке, но, с другой стороны, известна выдающаяся роль женщины в культе¹¹. Поскольку в это время дворец был уже не только резиденцией правителя, но и центром прибрежной меновой торговли в рамках натурального хозяйства, а также внешнего обмена, царь должен был располагать деспотической властью. Внеэкономическому принуждению подвергались не только обслуживающий персонал дворца и ремесленники городских поселений, которых привлекали на различные повинности, в первую очередь на дворцовые строительные работы. Обширность складских помещений дворцов свидетельствует о натуральных податях земледельческого населения.

Племенная знать начинает преобразовываться в придворную. Это видно хотя бы из перемены места погребения: если на первом этапе раннедворцового периода земле-

⁹ Demargne, Die Geburt..., стр. 81—84.

¹⁰ Matz, Kreta und frühes Griechenland, стр. 95—100; Demargne, Die Geburt..., стр. 85—94; Pendlebury, The Archaeology of Crete, стр. 280.

¹¹ F. Matz, Göttererscheinung und Kultbild im minoischen Kreta, Wiesbaden, 1958, стр. 407, 446 сл.; о н же. Kreta und frühes Griechenland, стр. 151 сл. В работах рассматриваются следующие вопросы: вера в божоявление, жрица в одеянии богини, культ змей и быка, культовый декор, отсутствие храмов.

владельческая знать продолжала пользоваться старыми родовыми склепами, то в СМ II появляются уже богатые захоронения отдельных людей; для конца этого этапа вблизи дворцов вскрыты подкурганые и отдельные купольные гробницы. С концентрацией земледельческой знати как правящего класса постепенно развивается централизованное управляемое дворцовое хозяйство, в котором различные функции в области государственной экономики принимает на себя придворная знать¹². Частично сохранившийся архив из древнего дворца в Фесте позволяет нам бросить взгляд на такое дворцовое хозяйство.

В раннедворцовое время возникает иероглифическая система письменности, известная по так называемому «иероглифическому комплексу» (Hieroglyphic Deposit) Кносса. Иероглифы использовались в культовых целях и для печатей. Возрастание сельскохозяйственной и ремесленной продукции и начинающийся товарообмен требовали ведения документации, для чего понадобилась примитивная письменность. Она появляется в конце раннедворцового времени как протолинейное или линейное письмо А, представляющее собой комбинацию идеограмм и слоговых знаков. Чтение слоговых знаков остается пока невозможным, можно только установить, что они относятся к эгейской языковой сфере. Судя по истолкованию идеограмм, записи носят административно-хозяйственный характер — на глиняные таблички наносились счета, а глиняными печатями пломбировались крышки сосудов. Поскольку глиняные таблички только высушивались, но не подвергались обжигу, надо полагать, на Крите были в ходу и другие виды писчего материала, быть может, папирус или пальмовые листья¹³.

Централизованное хозяйство способствовало дальнейшему развитию орудий производства и технических навыков. Важнейшие новшества — гончарный круг и техника бронзового литья — были на Крите значительно усовершенствованы. Керамика, которая формами и металлическим блеском покрытия, как и прежде, подражает металлическим сосудам, достигает в изделиях стиля Камарес высокого совершенства. Стенки сосудов тонки, как яичная скорлупа, украшены многоцветной росписью по черному фону и рельефным орнаментом. Впервые появляются также типичные критские мотивы — переплетающиеся растительные орнаменты, спруты, дельфины и морские рыбы. Точно так же, как гончарное производство, была усовершенствована на Крите и обработка металлов. Бронзолитейные мастерские в Маллии и Аколохори поставляли боевые и парадные мечи высотой в рост человека с украшенными рельефным орнаментом рукоятками и навершиями. Вероятно, пайка металлов была впервые изобретена на Крите, поскольку зернь появляется на золотых украшениях именно с критскими мотивами.

Развитая организация сельского хозяйства, разведение крупного рогатого скота, свиней, коз, овец, а также ремесло позволили Криту осуществлять экспорт своих продуктов в уже упомянутые страны древнего Востока. Крит начинает создавать свои фактории в Эгеиде. Такие опорные пункты возникли на Эгине, Асине, Фере и Мелосе.

¹² A. G. Evans, *The Palace of Minos*, I, L., 1921, стр. 270; II, 1, стр. 209—211, 267—270. Автор предполагает существование в Маллии жреца-царя; Demargne, *Die Geburt...*, стр. 84 сл., 94—100; Matz, *Kreta und frühes Griechenland*, стр. 69 сл., 75—95, 109 сл.

¹³ *Atti del 2 Colloquio internazionale di studi minoicomicenei*, «Atheneum», NS, 36, 1958, стр. 299—434 (доклады Беннета, Мюлештайна, Галлаотти, Мерлингена, Палмера). Дж Чадвик (J. Chadwick, *Linear-B, Camb.*, 1958, стр. 20—22) относит линейное письмо А к слишком позднему времени (около 1750 г.) и отводит ему слишком долгий период существования — до 1450 г.; его утверждение, что линейное письмо А было найдено только на Крите, доказать невозможно. Хэнтоудес, *The Vaulted Tombs*. На стр. VIII сл. автор приводит замечание Эванса, что деревенские поселки не имели письменности, которая была в ходу только во дворцовых поселениях; Хойбек (Praeger, стр. 17) принимает теорию родства языка табличек линейного А с хеттскими языками, однако не говорит о том, каким образом следует объяснять замену доиндоевропейского языка на Крите индоевропейским без заметных следов вторжения.

Следует отметить особую роль критских дворцов, тесно связанную с торговлей: дворцы Крита никогда не имели укреплений, почти не встречаются также изображения воинов или каких-либо военных сцен. Эту особенность можно объяснить только тем, что уже в раннее время дворцы Крита располагали мощным флотом, который предотвращал вражеские нападения и охранял торговые суда. Эти низкобортные многоветсельные суда известны по изображениям на кикладской керамике, а также по печатям и моделям кораблей из серебра и глины, найденным в погребениях Крита и Киклад. К концу периода ранних дворцов суда оснащаются парусами, а неподвижный руль сменяется подвижным.

Отсутствие укреплений позволяет заключить, что представители господствующего класса не боролись друг с другом за господство одного дворца над другим. Следовательно, надо думать, что разрушение древних дворцов около 1700 г. было результатом землетрясения, после чего дворцы были восстановлены с еще большим великолепием.

III. *Поздние дворцы.* В период поздних дворцов, который продолжался до 1500 г., критское государство переживало экономический и культурный расцвет. Для этого периода характерна выдающаяся роль кносского дворца. Обмен и торговля Крита, как посредническая, так и товарами собственного производства, все более и более ориентировались на Малую Азию и материковую Грецию. В этих условиях географическое положение Кносса способствовало выдвиганию его на центральные позиции. Впрочем, пока еще нельзя точно сказать, насколько легенда об изгнании правителем Кносса Миносом своих обоих братьев позволяет делать выводы о применении Кноссом силы против дворцов Маллии и Феста, которые тоже были вновь отстроены. Весьма вероятно, что мелкие дворцы и резиденции правителей обменивали в Кноссе излишки своей сельскохозяйственной и ремесленной продукции в первую очередь на сырье для металлообрабатывающего производства, и, таким образом, Кносс, по меньшей мере играл ведущую роль в прибрежной меновой торговле. В пользу этого предположения свидетельствует, во-первых, начавшаяся на Крите в конце XVII в. строительство сети дорог, которые связывали между собой все центры острова, сходясь в Кноссе, а во-вторых, постройка в Кноссе гавани Аминисос (совр. Гераклейон), ставшей главным торговым центром Крита.

О дальнейшем развитии дворцового хозяйства, его организационных формах, равно как и о причинах вырисовывающегося после 1500 г. упадка свидетельствуют, как и для предыдущего периода, прежде всего данные материальной культуры. Кносс лежал в 4 км от моря, занимая площадь 1800×1500 м; по расчетам Эванса, население Кносса и его гавани достигало примерно 100 тыс. жителей. Поздний дворец Кносса имел в длину 150 и в ширину 100 м. С запада и востока от центрального двора располагались крылья дворца с лестницами, достигавшими высоты четвертого этажа, световыми колодцами, внутренними двориками, коридорами, залами и комнатами. Позже это сооружение произвело на греков впечатление лабиринта. Этот вид постройки с элементами, включенными друг в друга, с роскошными ванными комнатами, оборудованными канализацией и водопроводом, представляется не подражанием восточным образцам, а продуктом самостоятельного развития критской архитектуры, которая, напротив, сама оказывала влияние на египетскую и сирийскую¹⁴.

Хотя для данного периода вторичных дворцов также не найдено изображений дая-жреца Кносса, его существование в это время можно предполагать с большой уверенностью. Дело в том, что на каждом этаже дворца находился большой зал с колоннами и пилястрами. Такой зал в западном крыле, судя по находившемуся там трону, скамье, идущей вокруг стен и предназначавшейся, видимо, для придворной знати, а также культовому символу власти—двойному топору, был залом аудиенций. Об этом же свидетельствует и двойной фриз, который идет через западный портал вплоть до парадной лестницы, ведущей в верхние приемные залы; эта фреска изображает процессию

¹⁴ M a t z, Kreta und frühes Griechenland, стр. 75, 111—146; P e n d l e b u r y, The Archaeology of Crete, стр. 283—287; D e m a r g n e, Die Geburt..., стр. 85, 117 сл., 121, 134—137. Здесь говорится о самобытной переработке египетских образцов и сбратном влиянии Крита на амарнское искусство.

подданных, обложенных данью. Впрочем, еще не выяснено, можно ли считать так называемую храмовую гробницу и монументальную усыпальницу в Исопате (обе принадлежат некрополю Кносса) гробницами царей.

Верховная собственность царя-жреца, о существовании которой можно судить уже по данным раннедворцового периода, получила дальнейшее развитие в период вторичных дворцов. Склады, находившиеся в нижнем этаже дворца, не могли быть предназначены только для потребностей двора. Место, в котором был открыт дворцовый архив, и его содержание, хотя еще и неточно выясненное, позволяют предполагать, что и сельское хозяйство, и ремесло попадали во все большую зависимость от дворца. Как труд, так и снабжение работавших в дворцовом комплексе ремесленников и слуг были подчинены централизованному руководству. Благодаря притоку во дворцы прибавочного продукта от зависимого населения стал возможным расцвет культуры, ограниченный, однако, в значительной мере только дворцовой сферой¹⁵.

Это развитие централизованного дворцового хозяйства привело также к расцвету сельского хозяйства и ремесла, что позволило Криту увеличить вывоз шерсти, тканей, керамики и произведений художественного ремесла. Господство на море позволило Криту включиться и в посредническую транзитную торговлю. Об этом свидетельствует появление в это время торговых факторий Крита на Родосе, Самосе и в Милете.

Большое значение сохраняли торговые связи с Сирией, через посредничество сирийских городов-государств развивался и обмен с Египтом. Значение связей с Сирией определялось прежде всего торговлей металлами. Кипрская медь перевозилась слитками в форме шкуры быка с клеймами по бокам. Клад из 19 таких слитков по 20—30 кг каждый найден в Агия Триаде близ Кносса. Через Сирию критская культура способствовала развитию искусства в царстве Митанни.

Управление дворцовым хозяйством, которое заключалось в сборе и распределении продукции, находилось в руках придворной знати. Ее существование засвидетельствовано подкурганными и шахтными гробницами дворцового некрополя, а также господскими домами по соседству с дворцами, в более мелких городах, в крестьянских и рыбацких селениях. Так, в Ватипетросе открыт господский дом в центре деревенского поселения крестьян и ремесленников; большие дома Тилисса расположены среди деревни; и даже в маленьком рыбацком поселке на о. Псейра был господский дом. Из поселений городского типа, в которых концентрировалось ремесло, до сих пор раскопана только Гурния на побережье Мирабелло; дворец ее считается резиденцией наместника. Поскольку эти господские дома имели большие складские помещения, надо полагать, что знать в деревнях собирала поставки производителей и отсылала их в центральный дворец.

После 1500 г. в критской культуре наблюдается упадок, истинная причина которого еще подлежит выяснению; пока по этому вопросу дело не идет дальше гипотез и вероятных предположений.

Следует со всей определенностью сказать, что экономический базис собственно критского производства был достаточно узок. Основой его было земледелие, скотоводство и рыболовство. На Крите, где невозможно высокоурожайное орошаемое земледелие, процент земель, пригодных для обработки, незначителен. Вырабатываемый крестьянами прибавочный продукт большей частью шел на обеспечение придворных, слуг и ремесленников дворцовых поселений, а также на торговый обмен. С возрастанием населения дворцов все более нищало сельское производящее население — этот факт подтверждают с полной очевидностью раскопки мелких поселений. Наряду с продовольственными товарами дворцы Крита торговали также овечьей шерстью и козьими шкурами; овец и коз разводилось огромное количество. Но для разведения их нужны были пастбища, которые отнимали опять-таки большие площади земли, годной для обработки. Критское ремесло производило ценную керамику, художественные изделия, оружие и зависело, таким образом, от ввоза меди, олова и красителей. Поскольку

¹⁵ M a t z, Kreta und frühes Griechenland, стр. 103 сл., 106, 108, 116 сл., 150, 152 сл., 154; D e m a r g n e, Die Geburt..., стр. 119 сл. Предмет исследования: царь-жрец, придворная знать, дворцовое хозяйство с зависимыми производителями.

крестьянское производство не могло обеспечить достаточное количество продуктов для обмена на столь ценное сырье, следует предполагать, что критские торговцы получали большие доходы от посреднической торговли и пиратства¹⁶.

Признаки упадка дворцового хозяйства связаны также с расширением критской торговли. Придворная знать, облеченная всей полнотой административной власти в сфере сбора и распределения прибавочного продукта, занималась также организацией производства товаров и торговли, что открывало перед ней возможности создания частной собственности на базе не только сельскохозяйственного, но и ремесленного производства. В результате этого зависимые производители были подчинены представителям аристократии косвенно, а дворцу все еще непосредственно. К концу позднедворцового периода заметно увеличилось число так называемых господских домов, и, исходя из этого, можно отметить появление тенденций децентрализации дворцового хозяйства.

Упадок стал неотвратимым, когда микенские государства материковой Греции, включившись в посредническую торговлю, начали конкурировать с Критом и к тому же еще пытались препятствовать критской торговле, организовав нападения на остров. Первые признаки упадка Крита относятся ко второй половине XVI в. Около 1580 г. дворцы были разрушены новым землетрясением, которое пощадило только дворец Феста. Цунами уничтожило сосредоточенный в Аминисосе критский флот. Ослабление Крита использовали владыки микенских городов материковой Греции, организовавшие грабительский поход на остров, следы которого обнаружены в так называемом храме *Repositoryum* в Кноссе и в находках из микенских шахтных гробниц, которые начали сооружать как раз в это время. Находки многочисленных предметов из благородных металлов и минойских художественных изделий среди инвентаря шахтных гробниц могильного круга *B* невозможно объяснить крито-микенским торговым обменом, о чем нет никаких свидетельств, но только нападением на Крит. Поскольку в этих гробницах были найдены также художественные изделия с микенскими мотивами, следует полагать, что во время нападения на Крит были не только награблены ценности, но и захвачены минойские ремесленники. Уже около 1550 г. на Крите начинается новый период реставрации дворцов, в течение которого они вновь достигли расцвета своей культуры.

Хотя Кносс по-прежнему оставался неукрепленным, а живопись его по-прежнему изображала только сцены придворной жизни без каких-либо военных эпизодов, новые виды вооружения свидетельствуют о готовности к отражению нового нападения. На Крите появляются теперь племени с кабаньими клыками, мечи с рашировидным клинком, кожаные поножи и металлические панцири — предметы вооружения пехоты. Кроме того, ввозятся лошади и начинается массовое производство боевых колесниц; воины сражавшиеся на них, были защищены восьмеркообразными щитами. Тут мы вновь

¹⁶ C. Weickert, *Neue deutsche Ausgrabungen in Milet*, «Neue deutsche Ausgrabungen», В., 1959, стр. 181—196. Автор считает основание Милета показателем критского морского могущества в XVI в.; «Excavations at Phylakopi at Melos», особенно стр. 270 слл. R. J. Buxk, *The Minoan Thalassocracy Re-examined*, «Historia», 11, 1962, стр. 129—137. Р. Бак указывает на связь центров, упоминаемых в эпосе, с центрами распространения и концентрации археологических находок минойских вещей; C. G. Starr, *The Myth of the Minoan Thalassocracy*, «Historia», 3, 1954/55, стр. 282—291. Автор считает критское морское господство мифом, он не находит никаких следов военных кораблей; P. Pendlebury, *The Archaeology of Crete*, стр. 267—271. Предмет исследования — главные продукты земледелия (масло, вино и оливки), отсутствие в традиции каких-либо знаний агрикультуры. Форма плуга, по мнению автора, указывает на Египет, плуг тянули волю; лошадь стала известна только с 1600 г. Наряду с земледелием значительной экономической отраслью было на Крите и рыболовство; G. E. Mylonas, *Athens and Minoan Crete*, «Athenian Studies Presented to Ferguson», Cambr., 1940 (Harvard Studies in Classical Philology, Suppl. 1), стр. 11—36. Автор отклоняет утверждение о критском морском господстве; Чадвик (C. H. ad-wick, *Linear-B*, стр. 130—136) считает, что морское господство Крита должно относиться до 1500 г., так как, согласно табличкам линейного *B* из Кносса, город владел лишь островами.

сталкиваемся с неразрешимой загадкой, поскольку территория Крита не была пригодна для боевого применения колесниц. Пока можно только выдвинуть предположение, что Крит специализировался на производстве этих видов вооружения для вывоза их в Египет и Хеттское царство.

Наступившее после 1500 г. господство в искусстве Крита застойного, так называемого дворцового стиля, знаменует собой заключительный этап развития дворцового хозяйства, которое уже не было в состоянии ни своим производством, ни силой противостоять микенской торговле. После еще одного землетрясения около 1480 г., обрушившегося на Маллию и Фест, их дворцы уже более не восстанавливались. О постоянной опасности, угрожавшей, как можно скорее предполагать, со стороны Микен, свидетельствуют арсеналы Кносса с архивом отчетных документов и так называемые могилы воинов. Если мы еще могли проследить, каким образом дворцовое хозяйство Крита в ходе своего развития привело к обнищанию непосредственных производителей и возникновению частной собственности придворной знати, которая противостояла интересам владыки дворца, то истинные причины катастрофы, приведшей к полному разрушению дворца Кносса, остаются до сих пор не выясненными¹⁷.

Еще в начале XV в. критская система письменности была заменена упрощенной системой линейного письма *B*; памятники этой письменности найдены на Крите не в одном только кносском дворце. Кроме того, эта письменность была использована и в материковой Греции. Поскольку и в микенских городах вторично обожженные глиняные таблички происходят из слоя тогдашних разрушений, мы не можем точно определить, когда линейное письмо *B* было завезено в материковую Грецию, и даже не знаем, употреблялась ли и здесь более древняя система линейного письма *A*. Тот факт, что слоговые знаки микенского письма *B* располагаются в одной и той же системе как на табличках из материковой Греции, так и на табличках с Крита, позволяет заключить, независимо от попыток их дешифровки, что они написаны на одном и том же языке. Поскольку же мы принимаем, что население Крита говорило на эгейском, индоевропейском языке, а население микенской Греции на языке индоевропейском — ахейском диалекте, надо полагать, что уже в XV в. Кнос заняли микенцы. Против гипотезы о мирном переселении — или в результате внедрения наемничества, или династического союза между Кносом и микенскими городами, переселении, отражен-

¹⁷ Пендльбери (P e n d l e b e r g u, The Archaeology of Crete, стр. 287; D e m a r g n e, Geburt..., стр. 148, 174, 183 сл.) устанавливает, что между 1450 и 1400 гг. в искусстве не заметно никакого микенского влияния; только после 1400 г. как в микенской культуре, так и в критской керамике появляется изображение человека; Шахермайр (F. S c h a c h e r m e y e r, Welche geschichtliche Ereignisse..., «Archiv orientalisti», 17, 1949, стр. 331—333, 338 сл., 347—349) пытается отнести микенское нападение на Кнос к 1600—1570 гг.; он высказывает мнение о том, что фараон Ахмос в борьбе с гиксосами обратился за помощью не на Крит, а в Микены. В XVI в. на Крите наступает период реставрации дворцов, но при этом остается конкуренция микенцев, отношения с которыми около 1440 г. по неясным причинам снова становятся враждебными; M a t z, Kreta und frühes Griechenland, стр. 152 сл., 157 сл. Автор указывает на отсутствие каких-либо следов захвата микенцами Крита в XV в. При этом совершенно непонятно, почему линейное письмо *B* появляется в Кноссе на 200 лет раньше, чем в материковой Греции; следовательно, получается, что эта реформа письменности произошла на Крите сама по себе, а не под микенским влиянием; A. F u g i t a r k, The Chronology of the Mycenaean Pottery, Stockholm, 1941, стр. 109 сл. На основе наблюдений над керамическими слоями автор приходит к тем же результатам, что и Шахермайр; Палмер (L. R. P a l m e r, Military Arrangements for the Defens of Pylos, «Actas del Primer Congreso Español de Estudios Clasicos», Madrid, 1968, стр. 48—50) усматривает связь между разрушением Фив и Кносса в конце XV в. и подъемом Микен как центра в Эгейде; Хамплъ (F. H a m p l, Die Chronologie der Einwanderung der griechischer Stämme, «Museum Helveticum», 17, 1960, стр. 57—86) сомневается в завоевании микенцами Крита, однако считает, что до 1400 г. между Критом и Микенами установились династические связи и наряду с этим появились микенцы-наемники. Он высказал предположение, что эти наемники попытались захватить Кнос. Разрушение Кносса около 1400 г. было следствием восстания критян против микенских наемников. Эванс (E v a n s, The Palace of Minos, II, 1, L., 1928, стр. 313 сл.) считает, что в Кандии и Кноссе около 1400 г. произошло землетрясение, которое и было причиной разрушений.

ном в сказании о Тезее, свидетельствуют находки на Крите оружия, которых было бы лишним при мирном объединении¹⁸.

Нет возможности установить, последовала ли катастрофа 1400 г. вследствие землетрясения или в результате восстания минойского населения против микенцев. Ясно лишь, что дворец Кносса погиб в огне, причем для населения катастрофа была совершенно неожиданной. Поскольку на этот раз дворец не был восстановлен, объяснение катастрофы только землетрясением недостаточно. После 1400 г. наблюдается усиленный приток микенцев на Крит, который теперь входит лишь как часть в состав микенских государств и сферу их культуры.

Г. Бокиш

THE PALACES OF CRETE

by G. Bockisch

The author examines fundamental questions relating to the economic, socio-political and cultural history of Crete in the 3rd and 2nd millennia B. C., distinguishing three periods: the period (1) of the earliest settlements, (2) of the early palaces, (3) of the late palaces. In discussing problems relating to the Cretan palace economy the author makes constant reference to the history of other ancient Near Eastern civilisations.

¹⁸ О еще не решенном споре по поводу определения линейного *B* как ахейско-греческого диалекта см. Chadwick, *Linear-B*, стр. 22, 90—92, 125 сл. Автор дает основополагающее изложение дешифровки Вентриса, обзор систем письма линейного *A* и *B* и исходит из сопоставления: микенцы — ахейцы — греки; работа (J. Chadwick, L. Vauxbach, *The Minoean Greek Vocabulary*, «Glotta», 41, 1963, стр. 157 сл.) посвящена трансформации воспринятого ахейского диалекта в слоговое письмо; Шахермайр (*Die ägäische Frühzeit*, 2, «Anzeiger für die Altertumswissenschaft», 6, 1953, стр. 196 сл.) в качестве доказательства микенского энклава в Кноссе пезадолго до 1400 г. привлекает погребения воинов, керамику дворцового стиля, колесницы; Палмер (*Mr. Ventris and His Critics*, «Orientalische Literaturzeitung», 73, 1958, стр. 101 сл.) полностью солидаризируется с дешифровкой; A. Lesky, *Die Entzifferung von Linear B*, «Gymnasium», 62, 1955, стр. 1—3, 12. По мнению автора, линейное письмо *A* было в ходу с XVII в. до 1500 г., линейное *B* — примерно до 1200 г.; Palmer, *Minoeans and Minoans*, L.², 1962, стр. 51—55, 65—67, 72—80 (особая позиция автора по отношению к противоречиям в дешифровке); Friedrich, *Geschichte der Schrift*, Heidelberg, 1966, стр. 66—68. Автор признает диалект табличек, написанных на линейном *B*, за греческий. Самые сильные сомнения в правильности дешифровки Вентриса высказаны такими учеными как: E. Grunhach, *Bemerkungen zu M. Ventris*, «Orientalische Literaturzeitung», 72, 1957, стр. 301, 304 сл.; A. Neubeck, *Ventris Entzifferung*, «Gymnasium», 66, 1959, стр. 494 сл.; A. J. Vattie, *A Plain Guide*, «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», 6, 1958, стр. 33 сл.; W. Eilers, *Kretisch-Kritisches*, «Forschungen und Fortschritte», 31, 1957, стр. 326—330. Критика направлена главным образом против толкования слоговых знаков как фонетической передачи идеограммы, из которой Вентрис получил свое ключевое слово *ti-ri-po-de* = *tripodes* «треножник». Возможный путь решения представил Хойбек (A. Neubeck, *Zur dialektologischen Einordnung des Mykenischen*, «Glotta», 39, 1961, стр. 171). Он не оспаривает индоевропейский характер микенского диалекта, однако считает, что последний не был прямым предтечей греческого, но воспринял очень много слов эгейского субстрата.